

Дом, в котором я живу

Думаю, что название этого очерка вызовет у читателей старшего поколения теплые воспоминания. Так назывался один из лучших фильмов моей молодости — добрый, искренний, лиричный, созданный в конце пятидесятых Л. Кулиджановым и Я. Сегелем. По их примеру я тоже постараюсь рассказать об обитателях дома, в котором я живу. Но вначале — о самом доме.

Многие одесситы и гости нашего города хорошо знают скульптурную группу из двух атлантов, которые держат на своих "натруженных спинах" небесную сферу. Эти атланты наряду с Дюком, Оперным, Потемкинской лестницей стали своеобразным символом нашего города, а после образования Всемирного клуба одесситов стали эмблемой клуба. Они служат опорой красивого четырехэтажного эркера в углу дома № 7 по ул. Гоголя, а стоят у ворот дома № 5, через которые я прохожу уже более пятидесяти пяти лет.

Оба эти дома составляют единый ансамбль, созданный в девяностых годах XIX в. архитектором Л. Влодеком в нидерландском стиле. Я не специалист, но эти дома, на мой взгляд, отличаются от большинства своих современников — они менее вычурны, более сдержанны, и вместе с тем, оригинальны и по формам внешних элементов, и по отделке.

Фасады облицованы плиткой, производящей полное впечатление свежей кирпичной кладки, удивительно сохранившейся в течение ста с лишним лет. Окна обрамлены выпуклыми желто-оранжевыми наличниками, соединенными несколькими рядами таких же выпуклых горизонтальных полос. Над наличниками барельефы, на каждом этаже — разные (чередование мужских и женских лиц, розеток и т. п.), отличающиеся содержанием, стилем и размерами. Все это выполнено с хорошим вкусом и создает приятное впечатление.

Дом № 7 — пятиэтажный "доходный"; домов такого назначения много в этом бывшем аристократическом районе: высокие окна и потолки, просторные многокомнатные квартиры для состоятельных людей. А история, назначение и архитектура моего родного дома № 5 необычны и, на мой взгляд, интересны.

Среди немцев-колонистов, привлеченных Екатериной осваивать плодородные земли Южного Причерноморья, были две семьи — Фейн и Фальц.

У Фальцев была дочь, а сына-наследника не было. Чтобы их фамилия не закончилась на дочери после ее выхода замуж за сына Фейнов, значи-

тельно более богатые Фальцы поставили условие, чтобы новая семья носила фамилию Фальц-Фейн.

Со временем их потомки, владельцы огромного поместья Аскания-Нова в Южном Приднестровье, стали подолгу, особенно зимой, жить в Одессе. Для этого им понадобилась одесская резиденция, в качестве которой и был построен на улице Гоголя дом № 5.

Дом был двухэтажным, и только над фасадной частью была выполнена мансарда с наклонными стенами. Он расположен под двумя прямыми углами в глубине двора, открытого в сторону улицы и отделенного от тротуара оградой с красивой кованой решеткой. К парадному входу на бельэтаж со стороны улицы вела мраморная лестница с перилами, напротив нее был небольшой круглый фонтан. Угол между передними фасадными стенами увенчан небольшим многогранным куполом со шпилем.

Необычен второй, задний двор, соединенный с наружным двором сквозным арочным проездом. Этот двор открыт с двух сторон: одна из них выходит на "уголок старой Одессы" у Тещинового моста, а вторая — на обрыв над домами Военного спуска. В этом дворе ощущаешь себя в открытом пространстве: из него видна вся бухта, Лузановка, поселок Котовского, справа — Воронцовский дворец с колоннадой. Я не знаю в Одессе другого такого двора и очень люблю его. Дальше именно его я буду называть своим, так как мои окна и подъезд выходят в него.

Фасады парадной, то есть бывшей господской части дома в этом дворе украшены так же, как и все его наружные фасады. К торцу этой части дома примыкает колоннада, выполненная в таком же стиле, как у Воронцовского дворца. Десять высоких круглых колонн, соединенных низкой балюстрадой, ограничивают огромную веранду, открытую с трех сторон. На колоннах на уровне второго этажа сооружен такой же огромный открытый балкон с балюстрадой. С балкона и веранды открывается прекрасный вид на окрестности.

От веранды во двор ведет небольшая лестница. В углу двора раньше стояла изящная беседка с основанием в виде нескольких гротов из пористого камня (подобные гроты поддерживают фонтан под стенкой Приморского бульвара напротив входа в гостиницу "Лондонская").

Единственная довоенная обитательница нашего дома, Анна Ивановна, рассказывала нам со слов своих родителей, что в первые годы его существования беседка стояла в бассейне, построенном в виде искусственного озера. Гости Фальц-Фейнов, пройдя через анфиладу залов на нижнюю веранду колоннады, могли спуститься по лестнице, сесть в причаленный

к ней ялик и переправиться в беседку. Мы воспринимали рассказ об озере-бассейне и ялике как красивую сказку. Лестница колоннады и раньше, и сейчас — любимое место посиделок молодежи. К сожалению, в последние годы это место очень часто привлекает группы посторонних молодых людей, после которых вокруг валяется мусор — бутылки, пачки от сигарет. Грустно, но что поделаешь...

Закрытую часть моего двора образует двухэтажный флигель, в котором были разные хозяйственные помещения. Часть первого этажа занимала конюшня; теперешнее окно моей спальни — шириной около 2,5 м — расположено на месте ее ворот.

В моем дворе около десятка деревьев. Их старейшина — огромная шелковица с тремя разветвленными разнонаправленными стволами; она, наверное, не намного моложе дома. Значительную часть двора затеняет старый каштан с раскидистой кроной. В палисаднике росли два пирамидальных тополя высотой более двадцати метров, рядом — старый одичавший абрикос, акации. Самое необычное из дворовых деревьев — небольшая японская плакучая софора; несколько таких деревьев с узловатыми, как будто закрученными стволами растут в сквере возле Оперного театра.

В центре обоих дворов — прямоугольные палисадники, в которых на моей памяти много лет росли цветы, было много зелени. Для детей были поставлены качели с креслом, подвешенным на железных штангах, перекладины разной высоты. На скамейках, наблюдая за детьми, судачили соседки. Если хозяйка забывала вечером снять с веревок сохнувшее белье, оно оставалось в целости и сохранности до утра. К сожалению, все это ушло в прошлое.

На месте теперешнего "уголка старой Одессы" до войны стояли два дома — № 1 и № 3. Они закрывали вид на море из окон Шахского дворца (дом № 2, где теперь Морской банк), в котором во время войны был какой-то штаб. Поэтому, по рассказу упомянутой выше Анны Ивановны, жильцов домов № 1 и № 3 оккупанты выселили, а дома взорвали. На "развалке" (так мы называли развалины этих домов) мы играли, там иногда устраивались разборки между учениками нашей мужской школы № 43. Потом на этом месте был построен дом № 1/3. По проекту он должен был быть Г-образным, но когда строительный мусор "развалки" стребли к обрыву, началась осадка грунта, и строительство ограничило частью дома вдоль улицы.

Через несколько лет началось строительство моста через Военный спуск, и мы подолгу с интересом наблюдали, как из кусков металлоконструкций получается изящное сооружение, а потом — как его испытывали. Одесситы

называли этот полюбившийся им мост Тещиным, так как он вроде бы был построен по указанию первого секретаря обкома партии для сокращения его пути с Приморского бульвара к теще, жившей в начале улицы Гоголя.

Изменение облика моего любимого двора началось в 1961 году, когда одесские композиторы с разрешения городских властей, пренебрегавших, как и теперь, неповторимой архитектурой старой Одессы, надстроили над всей двухэтажной частью дома третий этаж. О соответствии этого уродливого строения стилю прекрасного дома никто, конечно, не заботился, и над архитектурным памятником появилась типичная невысокая "хрущоба" со стенами грязно-песочного цвета и небольшими квадратными окнами. Затем настала очередь беседки, которую перенесли за забор в сооружавшийся тогда "уголок старой Одессы". После этого практически не сохранились причудливые гроты в ее основании — любимое место мальчишечьих игр, — придававшие беседке особую прелесть. Исчезли пол из разноцветного мрамора, цветная крыша и другие элементы.

Мою привязанность к любимому двору разделяли все жильцы дома, многие из которых были знакомы между собой еще до войны. Дело в том, что во флигель, в котором я живу, в 1941 году попала бомба, и он был практически разрушен, осталась только часть стен на уровне первого этажа. По существовавшей после войны практике, восстановление многих разрушенных домов брали на себя предприятия, чтобы создать жилье для своих работников, вернувшихся из эвакуации.

Наш флигель был восстановлен в 1949 году заводом КИНАП, куда мой отец в том же году был переведен из системы Министерства вооружения главным инженером. Из одиннадцати квартир этого флигеля десять получили работники завода, а одну — тогдашний первый секретарь горкома партии Л.Ф. Чернявский, с сыном которого Володей мы под письменным столом его отца под завесой одеяла проявляли фотопленки.

Почти все кинаповцы нашего дома вместе эвакуировались, потом вернулись в Одессу и стали соседями. Многие их дети были моими сверстниками (либо отличались по возрасту на несколько лет), и мне хочется их перечислить. Это живущие до сих пор в доме Лада Гребенюк (впоследствии Крыжановская) и Ира Киселевич, которая стала кандидатом медицинских наук и работает на кафедре детской ортопедии мединститута. Кроме того, одновременно с нами поселились Игорь Перминов, тоже ставший доцентом медуниверситета, и его брат Шура. Изя Дрейман, Зоя Горшкова, Мила Лифшиц (последние трое стали, как и я, инженерами-конструкторами). В "некинаповской" части дома жили Саша Ютров (о нем расскажу отдельно),

Юра Кривуля (инженер-строитель, недавно умер), Слава Семенов (живет и сейчас в квартире, выходящей на нижнюю веранду колоннады).

Самым близким моим товарищем из живущих в доме был Витя Лейчик. Мы три года вместе отдыхали в пионерлагере КИНАПа, а после переезда Вити в Одессу к отцу (он жил до этого под Ленинградом с матерью), уже в его студенческие годы, сдружились еще больше. Витя был очень обаятельным, красивым, добрым и контактным человеком. К сожалению, говорю о нем в прошедшем времени, так как он внезапно умер в 1983 году, не дожив до своего пятидесятилетия три недели. Он был очень способным во всем, за что брался. С увлечением занимался спортивной гимнастикой — и стал кандидатом в мастера спорта. Занялся наукой — и защитил диссертацию, стал одним из ведущих специалистов института "Пищепромавтоматика". Я не знаю человека, который отозвался бы о нем хоть как-то неодобительно — его уважали и симпатизировали ему буквально все, с кем он общался. После его смерти прошло более двадцати лет, но и сейчас его сотрудники, не знакомые мне раньше и узнавшие в случайном разговоре о нашей дружбе, тепло и уважительно рассказывали о нем. Жена и дочь Вити живут в Израиле, а я иногда бываю на его могиле на Еврейском кладбище.

Вторым близким моим товарищем из нашего дома был Саша Ютров — увы, тоже покойный. Мы учились в одном классе, потом дружили семьями. Наши дочери много лет очень близкие подруги. Саша, как и Витя, успешно занимался спортивной гимнастикой. Он тоже был кандидатом наук, заведовал одной из самых крупных научно-исследовательских проблемных лабораторий университета, занимавшейся разработкой новых видов топлива. Среди сотрудников А.П. Ютров пользовался большим уважением и как человек, и как специалист. Я и мои близкие знали его, прежде всего, в семье, в быту. Без преувеличения могу сказать, что второго такого мужа, отца и деда я не встречал. В семье он был всем — стержнем, советчиком, нянькой, воспитателем, брал на себя основную долю всех домашних дел. Уже будучи тяжело больным, за несколько месяцев до смерти, он с высокой температурой стоял у плиты и жарил особые пирожки, которые очень любили его жена и дети. Во время болезни старался подбодрить своих близких, успокоить их, по возможности оградить от переживаний. Умер Саша в возрасте 60 лет, оставив о себе очень добрую память.

После возвращения нашей семьи из эвакуации отец начал работать на КИНАПе, мама — бухгалтером и домоуправлении, дед слесарил, бабушка вела домашнее хозяйство. Сразу после вселения в полученную квартиру мама и бабушка стали восстанавливать старые знакомства.

Близким приятелем моих родителей с довоенных времен был живший через стенку от нас отец Вити Лейчика — Яков Акимович. Человек высокой культуры, он и в быту оставался интеллигентом — выдержанным, корректным, доброжелательным, очень приятным в общении, внешне мягким, но волевым и организованным. Мой отец обычно работал допоздна, частенько ездил на завод и по воскресеньям, но и в редкие свободные часы любил общаться с Яковым Акимовичем, бывшим главным инженером КИНАПа в довоенные и военные годы.

Пожалуй, кроме Я.А. Лейчика, соседи у нас почти не бывали. Ситуация изменилась, когда мы одними из первых в доме приобрели телевизор КВН-49 — громоздкий ящик с маленьким экраном, впереди которого была закреплена большая, диаметром сантиметров тридцать, полая линза, заполненная водой. Тогда некоторые соседи стали приходить к нам "на телевизор", иногда — со своими стульями, если наших не хватало. Первый диктор Одесского телевидения Нелли Харченко стала одной из самых известных в городе людей. Помню, как мой покойный друг Женя Марголин привел молодого журналиста, чтобы взять у нас и наших соседей интервью с впечатлениями о передачах и пожеланиями Одесскому телевидению.

Со временем у соседей появились свои телевизоры, и эти посиделки постепенно прекратились.

Будни старших поколений моей семьи были плотно заполнены работой, решением бытовых проблем и не сохранились в моей памяти. А к семейным праздникам готовились заранее, и я их хорошо помню. Обычно это были дни рождения, годовщины свадеб, Новый год. Собирались родственники, друзья родителей, устраивались многочисленные шумные и веселые застолья. Раздвигался обеденный стол, к нему обязательно приставлялся другой, потому что количество собравшихся часто превышало двадцать пять человек. Серьезные и шуточные тосты, анекдоты, старые одесские песенки, которые иногда, будучи в ударе, напевал мой любимый дядя Сеня — добродушный, веселый, обаятельный выходец из семьи биндюжников с Молдаванки. На фронте он стал инвалидом первой группы, ходил на костылях. Работал дядя главным инженером завода "Полимер".

На столе кроме обычных блюд обязательно были традиционные одесские кушанья — фаршированная рыба, кисло-сладкое жаркое, цимес, куриная шейка. Коронным блюдом бабушки были вертуты из так называемого вытяжного теста, кусочек которого величиной не больше крупного абрикоса она умудрялась растягивать на столе так, что через него был виден свет лампы (я специально экспериментировал). Когда лист теста за-

нимал всю поверхность большого старинного стола, его разрезали на полосы, в которые заворачивались разные начинки (отсюда название): мясо, творог с изюмом, яблоки, крутые яйца с зеленым луком. Слоев было не менее 10-12, вкус — необыкновенный. Даже в те времена, когда еще были живы старые хозяйки, сохранившие традиции одесской кухни и по-доброму конкурировавшие между собой, это бабушкино произведение было единственным в своем роде. Когда теперь в витрине магазина я вижу под названием "вергута" кусок толстого теста, в пару слоев которого что-то завернуто, я вспоминаю бабушку и ее кулинарный шедевр.

Вообще, чем старше я становлюсь, тем чаще вспоминаю оба поколения моих близких и тем больше понимаю мудрость их высказываний, недоступную мне в молодости. Например, моя мама на все вопросы о здоровье отвечала: "Слава Богу". Такой ответ вскоре после отъезда бригады скорой помощи, которая с трудом купировала тяжелейший сосудистый криз у отца либо приступ удушья или стенокардии у деда, воспринимался мною с удивлением. На мой недоуменный вопрос мама отвечала: "А что тут непонятного? Ведь могло быть значительно хуже! Жив — и слава Богу!". Когда бабушка слышала, как я пытаюсь по молодости навязчиво и иногда непрошено переубедить кого-то из товарищей, она говорила: "Не пытайся надеть свою голову на шею другого — она ему не подойдет, а ты когда-нибудь останешься без головы!". Преувеличение, но как образно!

Бабушка, в отличие от деда, практически не болела. Не помню, чтобы она когда-нибудь повысила голос, проявила раздражение или недружелюбие по отношению к кому-либо. Людей видела, как говорят, насквозь. Бывало, ко мне приходил новый знакомый, с которым бабушка, открыв дверь, могла обменяться всего лишь несколькими незначительными фразами. После его ухода она давала этому человеку характеристику настолько близкую к истине, что я поражался. Каждая вещь была у нее на предназначенном месте, все делалось рационально, неторопливо, четко. Поэтому у нее оставалось достаточно времени для чтения.

Вообще, и она, и дед довольно много читали. По пятницам дед по дороге с работы заходил в библиотеку и брал очередную порцию книг, которые приносил почему-то в авоське. Он плохо слышал, поэтому его общение было ограниченным, и выходные дни он, в основном, посвящал чтению.

Дед работал до семидесяти семи лет. В ответ на мои настойчивые уговоры оставить работу он неизменно отвечал: "Я работаю с пятнадцати лет. Если перестану работать, я умру". Я не мог этого понять и рисовал ему радужные перспективы отдыха с большим количеством свободного време-

ни. Под давлением всех членов семьи он, наконец, вышел на пенсию, но прожил всего год с небольшим.

Когда бабушке исполнилось восемьдесят два года, мы отметили ее день рождения. Почти никого из ее сверстников уже не было в живых, но более молодые родственники и наши друзья собрались, чтобы ее поздравить. Я отчетливо помню, как она вышла к гостям: черное платье в белый горошек, белый отложной воротник, волосы стянуты в узел, прямая спина, прекрасная осанка. Села во главе стола, выслушивала тосты в свою честь, живо на них реагировала. Потом попросила меня налить ей рюмочку любимого вермута, встала и спокойно сказала: "Мои дорогие, я очень благодарна вам за ваш приход и поздравления, особенно потому, что это уже в последний раз!". Все замерли, а я не выдержал: "Бабушка, да что ты такое говоришь?". Она ответила: "Мишенька! Моя мама, тетя, старший брат умерли в восемьдесят три года. Мы, Хаселевы, живем до этого возраста!". Это было в конце апреля, а в сентябре она умерла, проболев недолго.

Возвращаясь к повествованию о дворе, расскажу о некоторых соседях по дому. Напротив нашей квартиры жила семья Гребенюк, вместе с которыми мы эвакуировались из Одессы на пароходе "Каменец-Подольский" (железная дорога уже была перерезана немцами), перед этим не попав на подорвавшийся на mine и затонувший в открытом море пароход "Ленин". Николай Николаевич Гребенюк и до, и после войны работал на КИНАПе начальником экспериментально-исследовательской лаборатории. Не получив высшего образования (он окончил что-то вроде технического училища), Николай Николаевич был одним из наиболее грамотных и квалифицированных специалистов завода, талантливым самородком. Конструкторы киноаппаратуры советовались с ним по всем вопросам, его замечания не подвергались сомнению и практически всегда его прогнозы оправдывались. После выхода на пенсию Николай Николаевич передал на завод свою техническую литературу — собрание, которому могли позавидовать многие техбиблиотеки.

Он запомнился мне вежливым, но не очень общительным, несколько погруженным в себя. Мой отец рассказывал, что Гребенюк не любил собраний и других общественных мероприятий, не терпел говорильни. Перед войной его в числе других работников завода наградили орденом. Тогда это было событием. На заводе организовали митинг, где награды вручал секретарь горкома. Увидев, что Николая Николаевича нет среди собравшихся, и зная его характер, директор велел задержать его на выходе с территории завода. Действительно, Гребенюк пытался потихоньку уйти, но был отловлен и доставлен на митинг.

Николай Николаевич был разносторонне способным человеком, а кроме того — мастером на все руки. Самостоятельно научился игре на фортепиано и неплохо играл. Когда его внуку (тоже Николаю), одаренному пианисту, купили подержанный рояль, дед сам его отремонтировал и настроил, и инструмент прекрасно звучал. Сейчас Николай Крыжановский (внук) преподает и концертирует за границей. Дочь Николая Николаевича Лада — наша ближайшая соседка и в территориальном (живет напротив нас), и в человеческом смысле.

Во дворе сначала было два владельца частных автомобилей — Георгий Афанасьевич Чебанов и Василий Прокофьевич Назаренко. У Чебанова был старый "опель-капитан" (как у Штирлица в "Семнадцати мгновениях"). Много лет Георгий Афанасьевич шесть-семь месяцев в году ежедневно, как на работу, выходил во двор с ящиком инструментов и складным стульчиком, садился у машины и начинал что-то в ней собирать или разбирать. Один-два раза в год он выезжал, потом машину привозили на буксире, и все начиналось сначала. Мне, молодому тогда человеку, было трудно понять, что Георгию Афанасьевичу, ставшему пенсионером, процесс был важнее результата — этим объяснялось его необычайное терпение и трудолюбие. Он запомнился мне вежливым, доброжелательным, тактичным человеком.

Василий Прокофьевич Назаренко был совсем другим — энергичным, деятельным, уверенным в себе, с хорошим чувством юмора. Он был главным механиком треста "Стальмонтаж", — видимо, хорошим специалистом, работал до весьма пожилого (как тогда казалось мне — старого) возраста, много и довольно технично ездил на современных по тому времени машинах; последней были "Жигули", которые относительно незадолго до этого стали выпускаться.

Впоследствии, когда я начал гордо ездить на "Запорожце", эти старые водители многому меня научили. Если я, неудачно поставив свою машину, создавал Василию Прокофьевичу трудности при заезде в гараж, сваренный из старого автобуса, выбегал во двор извиниться, он добродушно говорил: "Миша, мы же не парикмахеры! Мы должны уметь проехать по карнизу второго этажа, так что не волнуйся и иди допивать компот".

Настоящей хозяйкой двора была наш дворник Александра Владимировна Чернякова, которую все называли по имени — Шура (молодежь — тетя Шура). Это ни в коем случае не было проявлением высокомерия: она пользовалась безусловным уважением и симпатией всех — и пожилых, и молодых. Все вопросы, касающиеся общедворовых дел, задавались ей,

и она почти всегда их решала. Тетя Шура почти все военные годы была на фронте, имела боевые награды, но практически никогда не пользовалась этим для собственной выгоды. Маленькая сухоощавая женщина, она с раннего утра до вечера трудилась. Ежедневно утром, только проснувшись, мы слышали шарканье метлы по асфальту. Двор был всегда чистым; зимой обязательно расчищались и посыпались песком дорожки, скальвался лед. Теперь, когда двор не убирается годами, это вспоминается как нереальный сон. Тетя Шура была в курсе всех дворовых дел, если нужно было — обходила квартиры, собирала деньги, организовывала необходимые ремонты. Кроме дворницких дел работала еще в одном-двух местах уборщицей. В последние годы жизни ей было уже трудно работать, и уборку двора выполнял муж ее внучки Андрей. Умерла тетя Шура внезапно в возрасте восьмидесяти лет, оставив по себе добрую память.

К сожалению, годы берут свое. Из старых жильцов в доме почти никого не осталось — одни обменяли квартиры, другие уехали за рубеж, некоторых уже нет в живых.

Не в лучшую сторону изменились и дом, и двор.

Разрушается колоннада, на нее боязно смотреть. При переделке ее верхнего открытого балкона в закрытое сооружение был очень серьезно утяжелен его пол, на дополнительное бетонирование которого ушло несколько самосвалов стройматериалов. Теперь это строение смотрится как прилепленный к старому дому и диссонирующий с ним огромный осовремененный куб с пластиковыми окнами, стоящий на тонких аварийных ножках.

В аварийном состоянии и купол в первом дворе. Почти полностью повреждено асфальтовое покрытие, забита канализация, украдено несколько крышек канализационных колодцев, в моем дворе частично разрушена ограда палисадника, в нем почти не осталось зелени, нет цветов. Засыхает абрикос, спилен один из огромных тополей.

Дом стареет, и возможности омолодить его в ближайшее время не предвидится. Но так же, как любят своих близких, даже когда они стареют и болеют, я продолжаю любить свой дом. В нем я живу с тринадцати лет, из него провожали в последний путь деда, бабушку, родителей. Сюда я привел жену, здесь выросла наша дочь, теперь почти ежедневно заходит из школы внук. Остается надеяться, что придут новые времена, в дом вселятся новые состоятельные люди, которым он станет безразличен. Тогда, может быть, он заживет новой жизнью.